

УДК 882.09

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.026

«Мысль семейная» в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1910–1920-х годов

П. Л. Микурова

аспирант 3 курса, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-2542-2130. E-mail: P.mikurova@yandex.ru

Аннотация. Ученые-филологи в последние годы все чаще обращаются к переписке Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг. Эпистолярный поэт и ученый стал предметом междисциплинарного рассмотрения, так как представляет собой семейную хронику, автобиографические записки, исторический документ, дает исследователям богатый лингвистический и литературоведческий материал. Тема семьи в период 1910–1920-х гг. была для корреспондентов знаковой. Участникам переписки, воспитанным в уважении к традиционному семейному укладу, не хватало тесного личного общения как друг с другом, так и с покинувшими страну после революции родственниками. Спустя два десятилетия эта тема уйдет для Б. Пастернака на второй план, для О. Фрейденберг же останется приоритетной, выйдя за рамки переписки и с большей силой зазвучав на страницах ее воспоминаний. Несмотря на интерес ученых к эпистолярному Б. Пастернака, до сих пор его переписка с двоюродной сестрой исследована недостаточно. Этим обусловлена актуальность настоящей статьи, цель которой – рассмотреть тему семьи в эпистолярном наследии П. Пастернака и О. Фрейденберг, с помощью дискурсивного анализа охарактеризовать «мысль семейную» в переписке данного периода. В настоящей работе тема семьи в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг анализируется в рамках биографического, сравнительного и комплексного методов при соблюдении хронологического порядка исследования.

Автор статьи приходит к выводу, что тема семьи в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг в период 1920–1930-х гг. является одной из центральных. «Мысль семейная» стала своего рода спасением участников переписки от житейских невзгод, позволяя Пастернаку и Фрейденберг чувствовать духовную опору, ощущать себя частью семьи, древнего рода, особой духовной традицией.

Ключевые слова: эпистолярный, переписка, биографический метод, тема семьи, мемуары, Ш. О. де Сент-Бев.

О существовании переписки между кузенами Б. Пастернаком и О. Фрейденберг стало известно в 1972 году, когда литературовед Н. В. Брагинская обнаружила письма корреспондентов при разборе архива О. М. Фрейденберг. Часть эпистолярия вскоре нашлась у младшего брата поэта – Александра Леонидовича. Впервые опубликованная в США в 1981 году переписка до сих пор изучена мало. Связано это в первую очередь с долгим запретом имени Ольги Фрейденберг в отечественной науке. Что же до Пастернака, то центральными объектами изучения его наследия остаются роман «Доктор Живаго» и лирика. Нельзя не согласиться с утверждением Ю. В. Макаркиной об отсутствии «фундаментальных научных работ, посвященных рассмотрению концептуального содержания <...> эпистолярного наследия Б. Пастернака» [9, с. 4].

Эпистолярное наследие выдающихся личностей часто выступает предметом научного исследования. «Мысль семейная» в переписке писателей и поэтов в отечественном литературоведении также тщательно изучается; в разные годы к ней обращались Д. В. Марьин, А. П. Дмитриев, А. В. Курьянович, Ю. А. Изумрудов, И. А. Беляева, Т. А. Кушанкина, А. И. Смирнова.

Ряд исследователей в разные годы предпринимали попытки ввести переписку Пастернака и Фрейденберг в научный оборот. Однако их материалы носят скорее обзорный (Н. В. Брагинская, А. И. Шмаина-Великанова, Е. Б. Пастернак, Д. Л. Быков) или узко-лингвистический (И. А. Губарь, Ю. В. Макаркина) характер. Попытки выделить и проанализировать темы переписки впервые осуществлены автором данной статьи¹. Цель настоящей работы – выделить и рассмотреть тему семьи в эпистолярном наследии Б. Пастернака и О. Фрейденберг, с помощью дискурсивного анализа охарактеризовать в переписке «мысль семейную», высветить личности корреспондентов в новом свете.

© Микурова П. Л., 2020

¹ Микурова П. Л. Особенности рецепции эпистолярного наследия Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг // Текст, контекст, интертекст : сб. науч. трудов. Т. 2. М. : Изд-во МГПУ, 2019. С. 206–214; Микурова П. Л. Философское содержание переписки Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг 30–40-х годов XX века // Художественный текст глазами молодых : матер. конф. Ярославль : Изд-во ЯГУ, 2019. С. 145–148.

Данная статья ориентирована на рассмотрение переписки между Пастернаком и Фрейденберг в основном в рамках биографического метода. Вслед за его основоположником Ш. О. де Сент-Бевом, полагавшим, что важнейшее место в литературной науке занимает изучение личности и ее отражение в творчестве, а «литература, литературное творение неотличимы <...> от всего остального в человеке, от его натуры» [15, с. 48], и Г. В. Ф. Гегелем, выделявшим художника именно как «субъект» с его «внутренним миром и его художественной фантазией» [2, с. 94], мы считаем целесообразным использование биографического метода в данной работе. Понимая уязвимость данного метода, допускающего возможную субъективную оценку исследователя, а также приоритетное рассмотрение социально-исторических факторов, тем не менее мы полагаем, что именно биографический метод позволит наиболее полно выявить «отношения писателя с современниками, описать культурную среду эпохи, образ повседневной жизни» [6, с. 55].

В письмах Б. Пастернака и О. Фрейденберг присутствует постоянный интерес к теме семьи, в каждом письме так или иначе они касаются быта и будничных проблем, расспрашивают о жизни и судьбе близких и дальних родственников, выражают готовность помогать друг другу. Однако «мыслью семейной» переписка поэта с сестрой вовсе не ограничивается; наоборот, эпистолярное общение Пастернака и Фрейденберг отличается тематической всеохватностью и содержательной глубиной. Собственно говоря, в истории отечественной науки не так много эпистолярных свидетельств, равных рассматриваемому.

На дореволюционном этапе переписки «мысль семейная», равно как и остальные категориальные рассуждения корреспондентов, основывается на молодости, чувстве полноты существования, ощущении бесконечных перспектив. Это было время, когда петербургская и московская части семьи – Фрейденберги и Пастернаки – существовали как единое целое. Родственники часто встречались, любили друг друга. В письме Фрейденберг Пастернаку от 25.VII.1910 читаем: «Папа – да, он мне папа. Ты подошел к нему, посмотрел в него – и сразу этим придвинулся ко мне. В этом было что-то фатальное, что именно ты и именно в этот приезд заглянул папе в душу...» [14, с. 40]. Все члены семьи были в курсе событий жизни друг друга; между ними отсутствовали секреты, недомолвки, а конфликты были незначительными. Борис и Ольга были уверены в понимании и поддержке со стороны старших. Младшее поколение восторгалось старшим, Пастернак в письме от 26.VII.1910 писал следующее: «...я влюблен в Меррекюль², нашу поездку, первый вечер, дяди Мишин³ день (когда я искал помощи у тебя), Стрелку, Петербург, тебя во всем этом...» [14, с. 34]. Семья Пастернаков-Фрейденберг жила в рамках традиционного уклада, воплощением которого стало знаменитое в истории русской литературы семейство Аксаковых.

В переписке 1910-х годов отразился неизменный шуточный тон, семейный юмор, который был принят между родственниками: «И Карлу⁴, если он страдает в той же мере Фединизмом, как тетя Ася⁵, скажи, что я переговорил с Федей⁶; он готов быть похожим на Карла» [14, с. 36]. Это фраза звучит в рассмотренном выше письме. Она свидетельствует о полном понимании, снисходительном отношении, уверенности в том, что шутка будет правильно понята и оценена.

Теплые отношения москвичей с питерцами во многом способствовали рождению глубокой симпатии между двоюродными братом и сестрой, которая в определенный период воспринималась ими как влюбленность. Любая разлука Бориса с Ольгой переживалась ими болезненно: «Ведь мы еще раз увидим друг друга? Мне это матерьяльно невозможно, но если и ты не можешь, я поеду в Петербург, если хочешь через месяц» [14, с. 47] (30.VII.1910). Обсуждение планов приездов корреспондентов в Москву и в Петербург – отдельная составляющая их переписки. В будущем кузены будут лишены возможности видеться часто; планирование встреч давало надежду, помогало легче переносить разлуку: «...я хотела бы познакомить тебя с некоторыми своими друзьями; у меня есть друзья, хорошие и любимые, и до такой степени не пошлые, что даже познакомиться с ними хорошо» [14, с. 48], – писала Ольга в том же письме.

Особая духовная близость Пастернака и Фрейденберг во многом объясняется родственными узами, семейными ценностями: «...в этих письмах, в которых говорят такие важные, и

² Меррекюль – курорт на берегу Финского залива, где отдыхали Пастернаки.

³ Дядя Миша – отец О. М. Фрейденберг, ученый, журналист.

⁴ Карл Гозиассон – знакомый Фрейденбергов.

⁵ Анна Осиповна Фрейденберг – мать О. М. Фрейденберг.

⁶ Федя – Ф. К. Пастернак, родственник семейств, живший летом 1910 года в квартире Пастернаков на Мясницкой улице в Москве.

новые, и определяющие будущее слова, возникает общее детство, образ очень маленьких мальчика и девочки, играющих вместе и поэтому понимающих друг друга без слов» [19, с. 104]. Однако это и общность мировоззрения, онтологического чувствования, интересов: «Не ищи для меня специальных слов и пиши словами своими. Я знаю, они бедны и стары, особенно у меня; но они мало меня интересуют, и потому не бойся этих выражений...» (25.VII.1910) [14, с. 40]. Действительно, оба корреспондента осознают, что «бедные» слова не могут полностью выразить их чувства, но именно письма и то, что написано между строк, дает возможность проникнуть в духовный мир друг друга, бесконечно ценный для обоих.

Фоном для темы семьи как базовой ценности служат в переписке брата и сестры образы «ее» Петербурга и «его» Москвы. Кузены были настолько близки, что после очередной встречи и разлуки долго помнили не только портретные характеристики друг друга и содержание разговоров, но и приметы обеих столиц: звуки улиц и квартир родных и знакомых, даже их запахи: «Петербург и дядя Миша и Оля и все останется сложной, притягательной темой, оказавшейся для наших – постройками, людьми, понятным, доступным, оформленным» (19.VIII.1910) [14, с. 55].

Талант чувствовать всю полноту жизни, к тому же практически всегда в позитивном ключе, был счастливым даром Пастернака. Говоря о подобном мироощущении поэта, Д. С. Лихачев утверждает: «...Б. Л. Пастернак ощущает себя <...> частью века, во всей красе этого века» [8, с. 227]. Эта способность оформилась и заметно упрочилась именно в период юношеской «любви-дружбы» с кузиной Ольгой, что отражено в их эпистолярном наследии. Эмоциональные, синтаксически перегруженные и снабженные одному лишь ему понятными метафорами письма демонстрируют высочайший градус искренности и отчасти наивности Пастернака. Этот несколько невнятный метафорический стиль определил своеобразие его раннего творчества и обеспечил поэту прижизненную славу. По словам другого поэта, поэзия Пастернака «напоминает разговор с очень пьяным и очень интересным человеком. Изумительные откровения прерываются невнятным бормотаньем, и в процессе беседы мы догадываемся, что и не надо пытаться расшифровывать невнятицу, а надо просто слушать и наслаждаться понятным» [4]. «Невнятное бормотанье», темные места характерны и для посланий к сестре Бориса, в отличие от ясных и выверенных, хотя и очень эмоциональных писем Ольги.

Стоит отметить, что к началу 1920-х годов тяга поэта к лиро-эпическим формам превратилась в стилистическую константу, свойственную в том числе и его письмам. Так, по мнению Д. С. Лихачева, произведения Пастернака являют собой «глубокое субъективное содержание», а «история и собственная жизнь в прошлом становятся для него главными темами...» [7, с. 204].

Тема семьи как базовой ценности звучит на протяжении всей переписки поэта и ученого. Однако в период начала 1920-х годов она приобретает особенную остроту. Причина этого – в отъезде отца, матери и сестер Пастернака в Германию. Поэт еще не знал, что больше никогда не увидит родных, но, вероятно, предчувствовал это. Выходя за хронологические рамки статьи, скажем, что фрагментарная встреча с сестрой Жозефиной в Берлине 1935 года только разбередила бесконечную тоску поэта по родным. Для Фрейденберг тема семьи также была болезненной: она переживала из-за тяжелого недуга отца и из-за ссоры матери с братом (Леонидом Осиповичем Пастернаком, отцом Бориса. – П. М.). Дело в том, что отец поэта, спешно покидая СССР, не приехал в Ленинград попрощаться с сестрой и племянницей. Борис пытался примирить отца и тетку, но успеха не достиг. Позднее в ряде писем, отправленных в Ленинград после 1 августа 1920 года, дня смерти отца Фрейденберг, Леонид Осипович предлагал ленинградской части семьи перебраться в Москву к «мальчишкам»⁷, но женщины отказались.

Желая скрепить ослабевшие семейные узы, Пастернак в письмах второй половины 1920-х гг. к сестре постоянно упоминал уехавших: «...Но я так устроен и так люблю твой Humour (это шире ведь, чем юмор?), что полез к папе и сестрам хвастаться тобой...» (29.XII.1921) [14, с. 73]. Пастернак часто писал тетке и сестре, с нетерпением ожидая их ответов: «Немедленно же, немедленно, прошу тебя, напиши мне, как вы все поживаете, тетя Ася и ты и Сашка»⁸, как живе-

⁷ Мальчишки – Борис и Александр Пастернаки.

⁸ Сашка – Александр Фрейденберг, родной брат Ольги, физик, до ареста и расстрела тестя – главный инженер по спецпроизводству Ленинградского оптико-механического завода. Был обвинен в шпионаже и расстрелян в 1938 г. Семье сообщили о приговоре к 10 годам заключения без права переписки. В цикле воспоминаний «Осада человека» О. М. Фрейденберг вспоминает, как поняла, что брат арестован, а также рассказывает о неожиданной, полутайной встрече с бывшей женой Александра, которая стала впоследствии женой сотрудника КГБ.

те и что ты делаешь...» (29.XII.1921) [15, с. 73]. Читая письма Пастернака сестре этого периода, нельзя не согласиться со следующей мыслью Л. Н. Толстого: «У нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного – все гладко» [18].

В эти же годы Пастернак в письмах к двоюродной сестре и тетке рассказывал о знаковых событиях в эмигрировавшей части семьи. В письме от 21.X.1926 Пастернак сообщал: «Да, а о настоящей радости, которой хотел поделиться с вами обеими, не написал ни слова! Папина выставка в Берлине протекает блестяще и встречает баснословный прием» [14, с. 107]. Пастернак желал, чтобы его чувство гордости отцом разделили самые близкие люди – сестра и тетка: «Гордитесь, тетя, братом и своею костью, и давайте обнимемся и поплачем втроем» (21.X.1926) [14, с. 108]. Чувство восхищения отцом, которое поэт испытывал с детских лет, было особенно сильно в эти трудные годы. В процитированном письме также прозвучала мысль Пастернака о том, что его собственный талант переоценен, а талант его отца, великого художника, недооценен. Эта мысль еще не раз появлялась на страницах более поздних писем Пастернака кузине.

В те годы расставание поэта с семьей еще не отошло в прошлое, отзывалось болью. В письмах к родным за рубеж, а также к Фрейденбергам в Петербург Пастернак рассуждал о родственниках как о временно покинувших страну. Новостями о жизни зарубежной части семьи Пастернак и Фрейденберг делились и в следующие десятилетия. Обмен информацией о родных, проживавших в Европе, был нерегулярен и зависел от политического вектора в стране: «Про наших верно уже от них самих знаете. Живут и здравствуют, и даже Лида еще службы не потеряла в Мюнхене, что меня в общем страшно удивляет...» (03.VI.1933) [14, с. 139].

Ольгу Фрейденберг можно по праву считать центральным адресатом Бориса Пастернака. Их переписка длиной практически в полвека явила отношение поэта к кузине как к символу семьи. В тяжелое для страны время, в первые советские годы, переписка между кузенами была особенно душевной. В июльском письме 1924 года именно сестре и тетке Пастернак написал следующие строки: «...в этой большой, далеко вглубь прошлого уходящей, еще продолжающейся, заторможенной на десять лет, тяжелой, невыносимой повести, которую мы признаем за нашу жизнь, вы – лучшие, любимейшие, глубочайшие главы» [14, с. 75].

Тема семьи в конце 1920-х – начале 1930-х в переписке корреспондентов неразрывно связана с происходившими в стране событиями. Делясь в письмах друг с другом своими соображениями относительно политической, общественной, научной, культурной жизни страны и дальнейших перспектив ее развития, Пастернак и Фрейденберг разными путями, с оговорками, приходили к общей мысли о том, что семья как важнейшая категория существования человека осталась в дореволюционном прошлом России. В настоящем же присутствуют только попытки не растерять оставшиеся осколки: «Но революция или возраст, – а прошлое работает слабо, субъективный лабиринт не отклоняет простых и прямых ощущений, и мне жалко только их, а не себя, как это бывало раньше» [14, с. 128]. Это фраза из письма, написанного Пастернаком летом 1930 года, характеризует его как человека, смирившегося с действительностью, но не согласившегося с ней. В этом письме с помощью развернутой метафоры Пастернак сравнивает себя настоящего и прошлого, понимая, что его критерии оценки действительности стали иными. Жизнь страны кардинально изменилась, а люди бьются за выживание, как мошकारа о стекло. Троп, использованный Пастернаком в этом письме, показывает его понимание бессмысленности борьбы с обстоятельствами. Нельзя не согласиться с утверждением С. А. Смирнова о том, что Борис Пастернак предпочел занять позицию «свидетеля-хранителя», поэта-очевидца» [17, с. 151].

С начала 1920-х годов мысль семейная в переписке Пастернака и Фрейденберг получила новое «звучание»: Борис Пастернак обзавелся собственной семьей, женившись на молодой художнице Евгении Лурье (1899–1965); вскоре у пары родился сын Женя. На страницах писем появляются новые темы: СОттворчества, СОдружества, СОВместности в отношениях между мужем и женой. К сожалению, к началу 1930-х брак поэта распался, и эпистолярным «свидетелем» распада семьи и нравственных мучений брата стала Ольга. В письме Пастернака от 01.VI.1932 читаем: «Но, Бог ей судья, в ней есть что-то совершенно непонятное мне и глубоко чужое. Когда я о ней думаю после длительных разлук, я всегда прихожу в ужас от той черной двойственности и неискренности, в которой держал ее всегда, и несу ей навстречу волну готовой прямоты, чтобы все исправить...» [14, с. 134]. Тожественные мысли о причинах распада этого брака звучат в воспоминаниях многих современников поэта, однако наиболее лаконично их озвучила близкий друг Пастернака, создавшая его знаменитый скульптурный портрет,

– Зоя Масленикова: «Первое впечатление суровости и решительности как нельзя менее соответствовало действительности. <...> союз с этой женщиной, продолжавшийся семь лет, оказался для обоих мучительным <...> она ощущала себя художницей, при которой существовал ничем не примечательный муж» [10, с. 310–311]. Созвучные мысли читаем и у Т. В. Катаевой: «Брак был нерадостным – со счетами, придирами, небольшой, тщательно разрабатываемой мужем любовью, с его покорностью» [5, с. 6].

Вскоре после расставания с Е. Лурье Пастернак женился на бывшей жене своего друга, пианиста Генриха Нейгауза – Зинаиде Николаевне Нейгауз (в девичестве Еремеевой) (1897–1966), роман с которой стал катализатором распада первой семьи. Воспитанный в уважении к традиционным семейным ценностям, имевший возможность наблюдать за прекрасными отношениями между родителями, Пастернак страдал от сложившейся ситуации. Его мучила совесть перед женой, сыном, детьми Зинаиды Нейгауз, на время оставшимися с отцом, перед родителями, которые не одобрили поступок сына. Тем не менее чувства оказались сильнее, и охваченный любовью поэт писал сестре в письме от 01.VI.1932: «Я совершенно счастлив с Зиной. Не говоря обо мне, думаю, что и для нее встреча со мной не случайна» [14, с. 134].

В конце 1924 года в общении брата и сестры наступил период непонимания и некоторого раздражения. Пастернак взялся помогать Фрейденберг в издании ее научных работ, что в годы тотального классового контроля было чрезвычайно трудно, задействовал свои контакты, однако Ольга отказалась приезжать в столицу, объяснив свою позицию усталостью от жизни, неприятными в ней переменами и нежеланием их принимать, а также характером протекции брата: «То, что ты, Боря, советуешь мне захватить записку от Марра, раскрывает мне характер твоей протекции. Во-первых, никогда я не научусь в ученом видеть влиятельного человека, никогда не стану форсировать научное доброе отношение к себе и менять его на звонкую монету» (03.XII.1924) [14, с. 97]. Пастернак придерживался иной позиции, которая состояла в спасении от жизненных неурядиц делом: работой, творчеством. Только так, считал поэт, можно оставаться человеком и приносить пользу стране, даже тогда, когда она не готова ее принять: «Человек реален и истинен тогда, когда он занят делом, когда он ремесленник, крестьянин или... художник, или же ученый, творчески постигающий истину» [12, с. 292]. П. И. Симуш, говоря об отношении поэта к суровой действительности тех лет, справедливо отмечает, что Пастернак мечтал о «грядущей победе творческой филологии над догматической амбициозностью коммунистической идеологии» [16, с. 98].

Все члены семьи Пастернаков-Фрейденберг были творческими личностями, реализовавшимися в той или иной области знания и искусства. Поэтому в переписке кузенов центральной темой является тема творческого созидания и научной деятельности, приоритетная для обоих реципиентов. Верны слова В. Ф. Асмуса о том, что практически все произведения Пастернака «были сочинения об искусстве: стихи, проза, письма...» [1, с. 80]. Забегая вперед, отметим, что в послевоенные годы «точкой отсчета» эпистолярного общения брата и сестры стали вначале замысел, а затем и черновой вариант романа «Доктор Живаго». Однако в рассматриваемый в данной статье период Пастернак еще не задумывался о прозе; он много трудился над переводами (этот вид заработка станет основным источником дохода Б. Пастернака практически до конца его жизни. – П. М.) и лирическими сборниками. Главным его корреспондентом оставалась сестра. Поднимая в письмах тему творчества, Пастернак мог быть уверен как в ее родственной благосклонности, так и в научной объективности. В письме от 02.XI.1924 Пастернак сообщал: «Я тут же раскрыл Гамлета и принялся за его перевод, – замысел, который у меня откладывался годами. О предположеньях оригинальных не хочу говорить – их смутным ощущеньем всегда бываешь полон» [14, с. 89]. Пастернак также был в курсе научных достижений и связанных с ними проблем сестры; в период травли Ольги он как умел пытался помочь ей, но его сил и влияния для этого было недостаточно. Важно и то, что в вопросе отношения к советской действительности их позиции были диаметрально противоположны. И если «во всем, что касалось жизни, любви, торжества, – он был и ярче, и темпераментней, но в лабиринтах инобытия, в темных тайниках подсознания <...> его сестра блуждала уверенней» [3, с. 619]. Впрочем, это расхождение, хотя и принципиальное, не отменяло их эпистолярного общения, соединившего «бытовое и профессиональное, частное и общественное» [11, с. 5].

Тема семьи, которая поднималась Пастернаком и Фрейденберг почти в каждом их письме друг другу, оставалась равно значимой для обоих реципиентов. Однако в письмах 1910–1920-х годов «мысль семейная» звучит более отчетливо, чем в письмах последующих

лет, ведь все представители обеих фамилий были живы и поддерживали регулярное общение. В период 1940–1950-х годов, во время работы над романом «Доктор Живаго», знаковой для общения Пастернака со всеми его корреспондентами стала тема создания великого романа. Разумеется, в ней участвовала и Фрейденберг. Тем не менее в этот период пути брата и сестры снова разошлись: первый умел абстрагироваться от житейского, жизненного и болезненного, окружать себя любящими и любимыми людьми и забывать о смерти, в том числе о смерти близких. Он довольно спокойно пережил уход отца, художника Л. О. Пастернака, скончавшегося в Англии в 1945 году, и с утроенной энергией продолжил работу над романом «Доктор Живаго». Пастернак был убежден, что смерти не будет: эти слова стали не только одним из вариантов названия романа, но и, что важнее, – жизненной философией поэта. Он знал, что непременно встретится с ушедшими близкими, и не страдал от их потери так, как Фрейденберг, которая уже не могла жить по-прежнему после смерти матери. Очень показательен в этом отношении эпизод, который отражен в воспоминаниях З. Н. Пастернак. В день похорон старшего сына Зинаиды Николаевны от брака с Генрихом Нейгаузом – Адриана – Борис Леонидович как мог утешал супругу: «Он меня очень поддерживал, философски рассуждал о смерти, доказывая, что смерти нет. <...> Он говорил, что умершие продолжают жить в памяти близких» [13, с. 113]. Фрейденберг чувствовала, что трагическое мироощущение Пастернаку чуждо, и в письмах от него полного понимания не ждала. С этого времени тема семьи Пастернаков-Фрейденберг зазвучала в иной тональности: «бессмертно» – на страницах романа «Доктор Живаго» и «безысходно» – на страницах мемуаров Ольги Фрейденберг.

Подводя итог сказанному, отметим, что тема семьи в переписке кузенов довольно полно характеризует их жизненные и мировоззренческие позиции. На страницах писем оба предстают живыми, полнокровными людьми с большим культурным наследием, творческими задатками, особым отношением к семейным связям. На многие вещи они, несомненно, смотрели одинаково. Однако принадлежность к разным полам, профессиям, обладание разным жизненным опытом обусловило их различное отношение к проблемам семьи и брака, связи поколений, что не всегда отчетливо прослеживается в их высказываниях, но прочитывается между строк. Тема семьи претерпела в письмах Пастернака и Фрейденберг значительную эволюцию: от полного радостного приятия общих семейных духовных ценностей, от легкого юмора она с течением времени стала осмысливаться адресатами все более трагически. Однако если Б. Пастернак, имевший семью и детей, проблему смерти/бессмертия решал как поэт – воплощая свою душу в вечных творениях, то обладающая строгим умом ученого незамужняя и бездетная Ольга Фрейденберг, постоянно испытывающая противодействие со стороны партийных чиновников, чувствовала, что не может реализовать себя полностью в профессиональной деятельности. Одиночество, горькая обида на судьбу и в то же время сестринская гордость за брата нашли отражение как в ее письмах, так и в воспоминаниях, научное осмысление которых еще предстоит сделать. И все же переписка кузенов была важна для них обоих, она была их спасением от житейских невзгод, от творческого застоя, позволяла почувствовать духовную опору, ощутить себя частью древнего рода и общей духовной традиции.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Творческая эстетика Б. Пастернака // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Б. Л. Пастернак. М. : Искусство, 1990. С. 8–35.
2. Белоусова Е. В. Размышления о важности биографического метода в исследовании жизни и творчества писателя Н. Н. Толстого // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 93–107.
3. Быков Д. Л. Борис Пастернак. М. : Молодая гвардия, 2012. 893 с.
4. Искандер Ф. А. Пастернак и этика ясности в искусстве // Портал Litra. pro. URL: <http://litra.pro/esse-i-publicistika/iskander-fazilj-abdulovich/read/5> (дата обращения: 12.01.2020).
5. Катаева Т. В. Другой Пастернак: Личная жизнь. Темы и варьации. Минск : Совр. литератор, 2009. 608 с.
6. Ласица Е. В. Биографический метод в литературоведении // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2014. № 4. С. 55–61.
7. Лихачев Д. С. Борис Леонидович Пастернак. Жизнь // Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. М. : АСТ, 2017. 320 с.
8. Лихачев Д. С. Поэзия стихотворная и прозаическая. // Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. М. : АСТ, 2017. 320 с.
9. Макарина Ю. В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака: композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание : дис. ... канд. филол. наук : Орловский государственный университет. Орел, 2000. 205 с.

10. Масленникова Э. А. Борис Пастернак. М. : Захаров, 2001. 335 с.
11. Матвеева И. И., Микурова П. Л. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденаберг 1930–1940-х гг. // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2. С. 50–56.
12. Пастернак Б. Л. Что такое человек? // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Б. Л. Пастернак. М. : Искусство, 1990. С. 8–35.
13. Пастернак Э. Н. Воспоминания. Письма. М. : АСТ, 2016. 448 с.
14. Переписка Бориса Пастернака / сост. Е. Б. Пастернак, Е. В. Пастернак. М. : Худ. литература, 1990. 576 с.
15. Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М. : Художественная литература, 1970. 607 с.
16. Симуш П. И. Филология Б. Л. Пастернака: какими категориями будущего мыслит? // Филология: научные исследования. 2014. № 1. С. 97–106.
17. Смирнов С. А. Автопоэзия человека: Борис Пастернак // Человек.RU. 2011. № 7. С. 147–188.
18. Толстой Л. Н. Дневники // Портал ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=121487&p=89> (дата обращения: 09.04.2020).
19. Шмагина-Великанова А. И., Брагинская Н. В. Сестра. Переписка Ольги Фрейденаберг и Бориса Пастернака // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4. С. 99–116.

"Family thought" in the correspondence of B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1910s–1920s

P. L. Mikurova

3rd-year postgraduate student, Moscow City Pedagogical University.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-2542-2130. E-mail: P.mikurova@yandex.ru

Abstract. In recent years, philologists have increasingly turned to the correspondence between B. L. Pasternak and O. M. Freudenberg. The epistolary of the poet and scientist has become the subject of interdisciplinary consideration, as it is a family chronicle, autobiographical notes, historical document, and provides researchers with a rich linguistic and literary material. The topic of family in the period 1910–1920 was a landmark for correspondents. The participants in the correspondence, who were brought up to respect the traditional family structure, lacked close personal communication both with each other and with relatives who left the country after the revolution. Two decades later, this topic will go to the background for B. Pasternak, but for O. Freudenberg it will remain a priority, going beyond the correspondence and sounding more forcefully on the pages of her memoirs. Despite the interest of scientists in B. Pasternak's epistolary, so far his correspondence with his cousin has not been sufficiently investigated. This explains the relevance of this article, the purpose of which is to consider the topic of the family in the epistolary heritage of P. Pasternak and O. Freudenberg, and to characterize the "family thought" in the correspondence of this period with the help of discursive analysis. In this paper, the topic of family in the correspondence between B. Pasternak and O. Freudenberg is analyzed in the framework of biographical, comparative and complex methods, while observing the chronological order of the study.

The author of the article comes to the conclusion that the topic of family in the correspondence between B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1920s–1930s is one of the central ones. "Family thought" became a kind of salvation for the participants of the correspondence from everyday hardships, allowing Pasternak and Freudenberg to feel spiritual support, to feel part of the family, an ancient family, a special spiritual tradition.

Keywords: epistolary, correspondence, biographical method, the theme of family, memoir, S. A. de Sainte-Beuve.

References

1. Asmus V. F. *Tvorcheskaya estetika B. Pasternaka* [Creative aesthetics of B. Pasternak] // *Ob iskusstve. "Ohrannaya gramota" i zametki o hudozhestvennom tvorchestve* – About art. "Security certificate" and notes on artistic creativity / B. L. Pasternak. M. Iskusstvo. 1990. Pp. 8–35.
2. Belousova E. V. *Razmyshleniya o vazhnosti biograficheskogo metoda v issledovanii zhizni i tvorchestva pisatelya N. N. Tolstogo* [Reflections on the importance of the biographical method in the study of the life and work of the writer N. N. Tolstoy] // *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* – Herald of the Moscow State University. Series: Russian Philology. 2016. No. 4. Pp. 93–107.
3. Bykov D. L. *Boris Pasternak* [Boris Pasternak]. M. Molodaya Gvardiya. 2012. 893 p.
4. *Iskander F. A. Pasternak i etika yasnosti v iskusstve* [Pasternak and the ethics of clarity in art] // *Portal Litra.pro* – The Portal Litra.pro. Available at: <http://litra.pro/esse-i-publicistika/iskander-fazilj-abdulovich/read/5> (date accessed: 12.01.2020).

5. Kataeva T. V. *Drugoj Pasternak: Lichnaya zhizn'. Temy i var'yacii* [Other Pasternak: Personal life. Themes and variations]. Minsk. Sovr. literator. 2009. 608 p.
6. Lasica E. V. *Biograficheskiy metod v literaturovedenii* [Biographical method in literary studies] // *Poznanie stran mira: istoriya, kul'tura, dostizheniya* – Knowledge of the world's countries: history, culture, achievements. 2014. No. 4. Pp. 55–61.
7. Lihachev D. S. *Boris Leonidovich Pasternak. Zhizn'* [Boris Leonidovich Pasternak. Life] // *Literatura – real'nost' – literatura* – Literature – reality – literature / D. S. Likhachev. M. AST. 2017. 320 p.
8. Lihachev D. S. *Poeziya stihotvornaya i prozaicheskaya* [Poetic and prose poetry] // *Literatura – real'nost' – literatura* – Literature – reality – literature / D. S. Likhachev. M. AST. 2017. 320 p.
9. Makarkina Yu. V. *Epistol'noye nasledie B. Pasternaka: kompozicionno-kommunikativnye osobennosti i konceptual'noye sodержanie : dis. ... kand. filol. nauk : Orlovskiy gosudarstvennyy universitet* [Epistolary heritage of B. Pasternak: compositional and communicative features and conceptual content : dis. ... PhD of Philol. Sciences : Oryol State University]. Orel. 2000. 205 p.
10. Maslenikova Z. A. *Boris Pasternak* [Boris Pasternak]. M. Zakharov. 2001. 335 p.
11. Matveeva I. I., Mikurova P. L. *Tema tvorchestva v perepiske B. Pasternaka i O. Frejdenberg 1930–1940-h gg.* [The theme of creativity in the correspondence of B. Pasternak and O. Freudenberg in the 1930s and 1940s] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* – Herald of MSPU. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2019. No. 2. Pp. 50–56.
12. Pasternak B. L. *Chto takoe chelovek?* [What is a person?] // *Ob iskusstve. "Ohrannaya gramota" i zametki o hudozhestvennom tvorchestve* – About art. "Security certificate" and notes on artistic creativity / B. L. Pasternak. M. Iskusstvo. 1990. Pp. 8–35.
13. Pasternak Z. N. *Vospominaniya. Pis'ma* [Memoirs. Letters]. M. AST. 2016. 448 p.
14. *Perepiska Borisa Pasternaka* – Correspondence of Boris Pasternak / comp. E. B. Pasternak, E. V. Pasternak. M. Hud. literature. 1990. 576 p.
15. Sainte-Beuve Sh. *Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary portraits. Critical essays]. M. Hudozhestvennaya literatura. 1970. 607 p.
16. Simush P. I. *Filologiya B. L. Pasternaka: kakimi kategoriyami budushchego myslit?* [Philology of B. L. Pasternak: in what categories of the future does he think?] // *Filologiya: nauchnye issledovaniya* – Philology: scientific research. 2014. No. 1. Pp. 97–106.
17. Smirnov S. A. *Avtopoezis cheloveka: Boris Pasternak* [Autopoesis of a person: Boris Pasternak] // *Chelovek.Ru*. No. 7. Pp. 147–188.
18. Tolstoj L. N. *Dnevniki* [Diaries] // *Portal LitMir* – Litmir portal. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=121487&p=89> (date accessed: 09.04.2020).
19. Shmaina-Velikanova A. I., Braginskaya N. V. *Sestra. Perepiska Ol'gi Frejdenberg i Borisa Pasternaka* [Sister. Correspondence between Olga Freudenberg and Boris Pasternak] // *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* – Herald of RSHU. Series: History. Philology. Culturology. Orientalism. 2017. No. 4. Pp. 99–116.